

жати по руским градом». Очевидно, в русском обществе приезд Щелкана в Тверь рассматривался как серьезная угроза политической самостоятельности Руси, и это еще более подчеркивает подвиг тверских повстанцев.

Итак, Азвяк (Узбек) одарил своих шурьев; одного только не пожаловал — любимого шурина Щелкана Дудентьевича, потому что он был в отлучке в дальней литовской земле, где брал «дани невыходы, царски невыплаты». Здесь дается яркая и выразительная картина татарского правежа дани, неоднократно наблюдавшегося русскими людьми: «с князей брал по сту рублей, з бояр по пятидесят, с крестьян по пяти рублей, у которово денег нет, у тово дитя возмет, у котораго жены та нет, того самого головой возмет».¹

Возвратившись в Орду, Щелкан просит Азвяка пожаловать его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи». Азвяк соглашается, но только с тем, чтобы Щелкан убил своего любимого сына, нацедил чашу его крови и выпил. Щелкан заколол своего сына, чашу горячей крови нацедил и ту чашу выпил, и за то царь Азвяк пожаловал его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцы родимыми два удалыми Борисовичи». В этом эпизоде заложен глубокий смысл. Деятели татарской администрации представляются автору песни отпетыми злодеями, людьми с каменным сердцем, лишенными совести и жалости, не останавливающимися перед тем, чтобы заколоть родного сына. Такие именно «послы» и нужны «царю Азвяку» для «чортова правежа», при помощи которого он поддерживает свою власть над покоренными народами и высасывает из них все соки. Этот отталкивающий образ захватчика и злодея, угнетателя и насильника до того омерзителен, что вызывает ненависть даже у сестры Щелкана Марии Дудентьевны, к которой, по варианту Гильфердинга, Щелкан перед уходом в Тверь заезжает прощаться. Она пожелала ему уехать в Тверь, но назад не возвращаться: «да остыть бы тебе, брателко, да на востром копие, на булатном на ножичке».²

Сев судьбою в Твери, Щелкан ведет себя совершенно разнузданно: он бесчестит вдов, позорит красных девиц, над всеми надругается и над домами насмехается. Эти бесчинства вызывают возмущение среди городского населения. Старые мужики, богатые мужики приносят жалобу двум удалым Борисовичам от народа. Сперва они пытаются договориться с Щелканом добром и приносят ему дорогие подарки. Но договориться с насильниками и угнетателями — дело безнадежное. Щелкан принял от Борисовичей подарки, но «зачванелся», «загорденелся» и чести им не воздал. Тверичи не перенесли оскорбления: «...оне с ним раздорили: один ухватил за волосы, а другой за ноги, и тут ево разорвали». И вслед за этим следует оптимистическое заключение: «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося».

Если рассуждать формально, то заключительные слова песни не соответствуют исторической действительности, ибо убийство Щелкана весьма и весьма «сыскалось» на тверичах, переживших все ужасы карательной экспедиции. Тем не менее, в жизнерадостном финале песни заложен глу-

¹ В записях А. Ф. Гильфердинга «чортов правеж» Щелкана изображен так: «Он-де с поля брал по колосу, с огороду по курици, с мужика по пяти рублей. У кого тут по пяти рублей нету, у того он жену берет, у кого как жены-то нет, так того самого берет» (Онежские былины... , № 235, стр. 258). По другому варианту, «чорт-от с улицы брал по курицы, со избы брал он по петуху, со беда двора он по добру коги, у ково коня нет, дак и жену возьмет, у кого жены нет, самово в полон возьмет. Где ли Щелкан побывал, как будто Щелкан головей покотил» (там же, № 269, стр. 372—373).

² Онежские былины... , № 235, стр. 260.